

Глава 29. Жуань-Жуань, сокровище моё, ты как?

В столице каждому было известно: тётушка Фэн из Храма Лунного Старца — не кто иная, как сошедшая на землю прислужница небесного божества. Обладая уникальным даром, она безошибочно видела суженых и устраивала браки, которым, казалось, покровительствовали сами небеса.

Однако в подлунном мире ничто не бывает безупречным. А если нечто кажется идеальным, за этим неизменно кроется какая-то тайна.

Появление Ли Юэ'э сорвало этот благопристойный покров, обнажив неприглядную правду. Не было никакого божественного дара — лишь грязные, бесчестные методы. Если девица была согласна на предложенный «счастливый брак», всё проходило гладко. Если же нет — в ход шли ловушки: её обманом выманивали или попросту похищали. После того как бесчестье становилось свершившимся фактом, а репутация была безнадёжно погублена, у несчастной не оставалось иного выбора, кроме как покориться судьбе.

— Дерзость!

Сегодняшнее слушание по делу Помощника министра налогов Чэнь Юньяня вёл Министр наказаний У Фу. Поскольку в день ареста были задействованы силы Командования гарнизона пяти городских округов, Пань Цяньтянь также присутствовал в зале. Услышав столь смелые разоблачения, он немедленно выкрикнул протест.

Его лицо исказила злоба, а голос, налитый тяжёлой властью, заставил многих в зале вздрогнуть:

— Как можно верить столь нелепым измышлениям? Если эти гнусности, как ты утверждаешь, хранились в такой глубокой тайне, откуда о них знать тебе?!

Ли Юэ'э не отступила. Она подняла голову и встретила его взгляд в упор.

— Откуда мне знать? Разве Вам, господин Пань, это не известно лучше всех?

Глаза Пань Цяньтяня сузились, превратившись в две острые щели:

— Ты смеешь проявлять ко мне неуважение?

— А почему бы и нет?

Дрожащие пальцы девушки сжались в кулаки. Она не отвела глаз, чувствуя, как в груди закипает отчаянная храбрость, а решимость вытесняет страх.

«Почему я не могу прожить жизнь ради себя? Почему не имею права сказать „нет“? Молодой господин спас меня из этого ада не для того, чтобы я плыла по течению, лелея свою слабость. Он подарил мне надежду. Моя жизнь принадлежит только мне, и никто не вправе распоряжаться ею!»

— Потому что именно так меня и преподнесли Вам, господин Пань!

В зале поднялся невообразимый шум. Одни были поражены смелостью женщины: в эпоху, когда репутация ценилась превыше жизни, открыто заявить о подобном перед толпой было актом невероятного самопожертвования. Сколько же боли она перенесла и какой непоколебимой волей должна была обладать, чтобы решиться на обвинение действующего чиновника?

Другие невольно вспомнили о многочисленных наложницах в поместье Паня. О его похотливости в столице слагали легенды, но в те времена страсть к женскому полу не считалась пороком, если у мужчины хватало средств на содержание гарема. Однако поговаривали, что лица в его доме менялись слишком часто: новые девицы появлялись регулярно, а старые исчезали бесследно. Теперь, когда всплыла связь с тётушкой Фэн, слухи обрели плоть.

Всё сходилось: Пань Цяньтянь, командуя гарнизоном, обеспечивал Храму Лунного Старца прикрытие, а Фэн в ответ поставляла ему «свежий товар». Дальнейшая же судьба женщин была в его руках — наложницы приравнивались к имуществу, которое можно было купить или продать.

Ли Юэ'э заговорила снова. Её голос, поначалу дрожавший, окреп и зазвучал ровно:

— Я — племянница Госпожи Чжоу из Поместья князя Вэнь. После семейного несчастья я приехала в столицу к родственникам. Несколько лет тётя заботилась обо мне, и между нами не было раздоров. Когда пришло время, она захотела подыскать мне партию. Месяц назад до меня стали доходить намёки, что положение наложницы — не самый худший жребий. Тётя тоже спрашивала меня об этом, но я наотрез отказалась, даже не пожелав узнать имя жениха. Тогда она заявила, что мой путь к браку тернист, и велела пойти в храм, чтобы вытянуть жребий на удачу. Храм этот знаменит, там всегдалюдно, и я не заподозрила неладного. Помню лишь, как в толпе меня прижали к стене, а в воздухе разлился странный аромат... Когда я открыла глаза, первым, что я увидела, было Ваше лицо, господин Пань.

Она сделала паузу, собираясь с силами.

— Я не ожидала, что меня похитят среди бела дня в самом сердце столицы. Господин Пань не хотел ссориться с семьёй князя, поэтому часто заводил разговоры о браке между нашими домами, но вовсе не ради союза. Это был шантаж: он хотел, чтобы моя тётя проглотила обиду и молчала. Взамен он обещал ей выгоды в будущем...

В своих показаниях девушка сосредоточилась на злодеяниях храма и самого Паня, намеренно

смягчая роль Госпожи Чжоу. Семья Вэнь всё же давала ей кров в течение нескольких лет, и этим признанием она надеялась отплатить долг благодарности, прежде чем навсегда порвать с прошлым.

— Господин Пань был груб и не знал жалости к женщинам, но моё лицо, кажется, пришлось ему по вкусу. Он сказал, что если я забуду о боли и о пустой гордости, то он осыплет меня золотом. Я не пожелала такой участи. Улучив момент, когда он был отвлечён делами, я смогла бежать...

Ли Юэ'э обвела взглядом притихший зал.

— Но, вырвавшись из логова волка, я едва не угодила в пасть к тигру. Это случилось в ночь на пятое число пятого месяца. В пригороде творилось нечто страшное, и я, обезумев от страха, наткнулась на человека по имени Сюн Дин. Он был из тех, кто выполнял грязные поручения для семьи Пань, и в ту ночь участвовал в заговоре против господина Чэня.

Она перевела взгляд на Министра наказаний У Фу:

— Сюн Дин проникся ко мне чувствами. Он запер меня, не давая сбежать, но при этом ничего не скрывал. Я знаю, в чём заключался план семьи Пань, в чём была роль тётушки Фэн и куда делись деньги и зерно, предназначенные для голодающих... У Сюна Дина есть доказательства. Чтобы обезопасить себя и меня, он спрятал важные бумаги. И я знаю, где они.

Министр наказаний на мгновение лишился дара речи. Он никак не ожидал, что рядовое, казалось бы, слушание обернётся таким грандиозным разоблачением.

— Где сейчас этот Сюн Дин? — официально спросил он.

На этот вопрос ответил кто-то из толпы:

— Так это же одна из тех «ценностей», что Шестой принц недавно прихватил! Небось, ещё живой, если принц не успел наиграться!

У Фу едва заметно поморщился.

— В таком случае, отправьте человека в Поместье Шестого принца с просьбой предоставить свидетеля, — распорядился он и снова повернулся к Ли Юэ'э: — Изложи детали всего, что тебе известно. Помни: любая ложь обернётся против тебя.

Ли Юэ'э совершила земной поклон.

— Слушаюсь.

Чэнь Юнъань, будучи Помощником министра налогов, славился своим умом и талантом к расчётам, но при этом оставался человеком прямым до резкости. Для государства и народа он был неоценимым слугой, но для корыстных группировок — костью в горле, которую невозможно было ни подкупить, ни вырвать. Заговор против него зрел давно; вопрос был лишь в том, когда именно ловушка захлопнется.

Вероятно, Чэнь предвидел это, а потому в деле с продовольствием проявил крайнюю осторожность. График перевозок хранился в строжайшей тайне, а караваны выходили из города частями. В ночь на пятое число первая партия серебра и зерна отправилась в путь, и люди Паня вместе с приспешниками тётушки Фэн перешли к действию. Однако их интересы разошлись: Фэн жаждала только серебра, не глядя на обозы с едой, в то время как Пань Цяньтянь хотел заграбастать всё. Пока они препирались и враждовали между собой, Чэнь Юнъань умело запутывал следы, пуская по дорогам пустые повозки. Часть груза всё же была потеряна, но большую половину заговорщики так и не смогли отыскать.

Именно в ту ночь Ли Юэ'э встретила Сюн Дина.

На следующий день, пятого числа, Чэнь Юнъань вывел из города вторую часть каравана. Семья Паня и Фэн, решив действовать по старой схеме, снова бросились в погоню. На этот раз Чэнь, понимая, что всё удержать не удастся, намеренно отдал часть зерна «волкам», чтобы отвлечь их внимание, а основные запасы переправил тайными тропами к речному причалу. На месте стычки воцарился хаос. Люди Паня и храма, прекрасно знавшие местность, скрылись мгновенно, стоило им заполучить добычу. Чэнь Юнъань остался в поле один — без охраны и путей к отступлению. Когда его схватили, при нём не было ни зерна, ни серебра. Не сказав ни слова в своё оправдание, он позволил увести себя в тюрьму.

Поместье Шестого принца.

Чжу Янь окинул ледяным взглядом судебного исполнителя, который едва ли не дрожал от страха.

— Чего ты боишься? Думаешь, я стану его прятать?

— Что Вы, Ваше Высочество... — Чиновник согнулся в таком низком поклоне, что почти коснулся лбом земли. — Этот человек — ключевой свидетель, его показания бесценны... Прошу Вас, расстаньтесь с этой «ценностью» ради правосудия.

— Ты считаешь, он этого достоин? — усмехнулся принц.

По его знаку вывели Сюн Дина. Тот был изранен и подавлен, но его мощная фигура всё ещё внушала опасение.

— Столь уродливая и глупая вещь не заслуживает слов о «расставании».

— В таком случае, я немедленно заберу его... — пролепетал исполнитель.

— Впрочем, ты прав в одном, — перебил Чжу Янь. — Мои вещи, какими бы грязными они ни были, не гоже отдавать просто так. Я сам почту своим присутствием это судилище.

К тому времени, как они прибыли в Министерство наказаний, Ли Юэ'э уже закончила свой рассказ. Более того, по её указаниям были найдены записи Сюн Дина — целая стопка долговых и учётных книг, где детально фиксировались все сделки между храмом и семьёй Пань. Участь последних была предрешена.

Сюн Дин застыл, осознав, что его единственная страховка утеряна, а с могущественным кланом он теперь связан кровной враждой. Это означало верную смерть.

— Я же делал это ради тебя! — в отчаянии закричал он, глядя на Ли Юэ'э. — Я хотел спасти тебя от Паня, я хранил эти бумаги, чтобы у нас было будущее! Я крал для тебя Цветочное мыло из лавки Хо, я мечтал о свадьбе, готов был бежать с тобой на край света... А ты отплатила мне предательством?!

— Я не просила тебя воровать, грабить и творить зло ради меня! — Девушка не отвела взгляда, встретив его ярость холодным спокойствием. — Ты спас мне жизнь, и я была благодарна. Я была готова отплатить тебе как угодно: стать служанкой, работать на тебя до конца дней... Но я никогда не обещала тебе свою душу и своё тело! Я не люблю тебя и не желаю подчиняться силе. Ты говоришь, что любил меня, что не бил и не обижал... Но ты держал меня взаперти! Неужели красивые слова делают твоё насилие благом? Ты ничем не лучше Пань Цяньтяня, просто он действовал грубостью, а ты — лаской. Но мой ответ прежний: я не согласна!

Сюн Дин захлебнулся словами:

— Ты...

Ли Юэ'э отвернулась.

— И не смей говорить, что всё это было ради меня. Ты хранил эти книги, чтобы спасти свою шкуру, если Пань решит от тебя избавиться. Ты думал о своей выгоде, а не о моём счастье.

— Ты хоть понимаешь, какую беду навлекаешь на своих близких этой ложью? — Пань Цяньтянь сменил тактику. — Госпожа Чжоу из Поместья князя Вэнь была добра к тебе. Все эти годы она заботилась о твоём благополучии. Неужели ты готова погубить и её?

Ли Юэ'э услышала в его словах неприкрытую угрозу.

— Каждый сам отвечает за свой выбор. О своём я не жалею.

Она больше не была той испуганной, наивной девушкой, которая молила о пощаде. У неё был договор, дающий право на новую жизнь, и она намерена была прожить её достойно.

«Моя тётя старше и мудрее меня, — подумала она, — надеюсь, она поймёт это лучше, чем я когда-то».

Собеседник прищурился:

— Значит, ты уже успела продаться? Кому же?

Девушка лишь горько усмехнулась:

— Только такие, как Вы, видят в людях лишь предмет торга. Мне больше не о чем с Вами говорить.

В этот момент в зал вбежал стражник:

— Господин Министр! Тётушка Фэн скрылась!

Пока У Фу договаривался с принцем о выдаче Сюн Дина, он отправил людей в храм, но Фэн оказалась куда прозорливее сообщника.

— Немедленно разослать приказы о розыске! Живой или мёртвой — она должна быть поймана!

Слушание продолжалось, но исход был ясен. Кто бы ни стоял за заговором против Чэнь Юнъяня, преступная связь семьи Пань и Храма Лунного Старца была доказана. Они воровали государственное зерно, предназначенное для спасения людей, преследуя лишь личную наживу. Грязь и низость их поступков поражали воображение.

Зал кипел эмоциями: ярость, скорбь, сострадание... И лишь Чэнь Юнъянь оставался недвижим. Скованный цепями, он стоял посреди зала, словно скала среди бушующего моря. Казалось, ни позор, ни оправдание не имели для него значения. Словно он с самого начала знал, что его ждёт, и заранее подготовился к любому исходу.

В чайном домике напротив Министерства наказаний Второй принц, Чжу Бинь, вышел из своего кабинета и «случайно» столкнулся в коридоре с Третьим принцем, Чжу Фу. Он смерил брата сочувственным взглядом:

— Какая жалость, дорогой брат. Какая досада.

Чжу Фу прищурил свои и без того узкие глаза. В тусклом свете коридора его хищный профиль казался особенно зловещим.

— К чему это притворство, брат? Неужто ты скажешь, что сам не приложил руку к этому хаосу?

Чжу Бинь сложил руки на груди и слащаво улыбнулся:

— О, я всего лишь скромный наблюдатель. Куда мне до тебя? Ведь Семья Пань — это твои люди.

Лицо Третьего принца потемнело от гнева:

— В этой стране все чиновники — люди нашего Отца-Императора. Тебе бы поменьше пить вино, брат, иначе язык твой погубит тебя раньше времени. Помнишь ли ты поговорку: «Если государь не хранит тайну, он теряет страну; если слуга не хранит тайну, он теряет жизнь»?

— Я лишь хотел предостеречь тебя. К чему такая горячность?

Они разошлись, и ни один из них не чувствовал себя победителем.

«Дело дрянь», — думал Чжу Бинь. — «Шум поднялся такой, что никакой выгоды не видать. Нужно скорее заметать следы своего участия...»

«Всё пропало», — кипел от ярости Чжу Фу. — «Мало того, что ничего не получил, так ещё и семье Пань конец. Как теперь отмываться от этого позора?»

Украденное зерно и серебро из-за «особой осторожности» Паня и Фэн так и не покинуло пределов столицы. Но из-за их жадности и внутренней грызни все следы были запутаны, а печати и грамоты утеряны. Они пытались обмануть друг друга, а в итоге остались ни с чем. Где сейчас находятся ценности — не знал никто.

Чжу Фу не отдавал прямого приказа на грабёж — он всего лишь хотел заполучить таланты Чэня под своё крыло. Но его подчинённые, ослеплённые жадностью, решили действовать по-своему, и теперь он не мог их защитить. Пришло время отсечь гниющую конечность, пока зараза не доползла до самого сердца.

В Поместье князя Вэнь Госпожа Чжоу бессильно опустилась на пол. Она долго не могла найти в себе силы подняться. Всё оказалось куда страшнее, чем просто домашний арест. Этот проклятый мальчишка, Вэнь Жуань, принёс в её дом беду, а Ли Юэ'э оказалась неблагодарной змеей. После бесчинств Фан Жуя и позорного суда её репутация была уничтожена. Ей сообщили, что из-за этого скандала пострадала честь всего Поместья князя Вэнь, и теперь замужество детей под вопросом. Саму её — неспособную управлять делами и опозорившую имя мужа — отстранили от всего. Теперь ей предстояло замаливать грехи в фамильном храме, а к устройству судьбы дочери, Вэнь Жу, её больше не допустят.

Она не сможет выбрать зятя, не сможет собрать приданое, ей даже запретили видаться со сватами! Все дела передали Старшей госпоже Лу из второй ветви семьи.

Страх ледяной рукой сжал её сердце. Она велела Матушке Лю привести себя в порядок и тайно отправилась к Лу, где пала к её ногам, обливаясь горькими слезами:

— Вы не можете так поступить! Вы же знаете, я слаба здоровьем, я не смогла подарить мужу сына, А Жу — моя единственная отрада...

Старшая госпожа Лу отступила, брезгливо убирая руку:

— Именно потому, что она твоя единственная дочь, тебе стоит копить заслуги перед небом, а не интриговать. Молись о её благополучии. И не беспокойся: я — её двоюродная бабушка, и люблю её не меньше твоего. Всё будет сделано по чести и правилам, обиженной она не останется.

Госпожа Чжоу стиснула зубы. «По чести» — это одно, а материнское сердце — совсем другое. Вэнь Жу была законной дочерью знатного дома, и Лу, дорожа своей репутацией, не позволила бы ей выйти за кого попало. Но ведь только мать знает, что лучше для её дитя! Что ей теперь делать? Её бедная, бедная дочь...

— Я и не думал, что её судьба была столь печальной.

В загородном поместье Нань Син пересказывал Вэнь Жуаню подробности городского суда. Его люди следили за каждым шагом Ли Юэ'э и передавали вести в режиме реального времени.

Слуга сам участвовал в её спасении, он догадывался, что у девушки было тёмное прошлое, но такая низость поразила даже его.

— Чтобы сам Пань Цяньтянь был замешан в таком...

Вэнь Жуань вовсе не стремился выведывать чужие тайны, он просто видел, как тяжело

приходится женщинам в этом мире, и хотел помочь ей встать на ноги. Оказалось, всё было куда серьезнее. Раньше он думал на Фан Жуя или Паня младшего, но теперь стало ясно: Пань Пэн всего лишь прикрывал грехи отца.

— Это не Вы её подучили выступить в суде? — спросил Нань Син.

Вэнь Жуань покачал головой:

— Я лишь хотел, чтобы она нашла в себе силы жить дальше. Такая добрая, умелая и чистая душой девушка не заслуживает того, чтобы её топтали в грязи.

— Вы всегда такой, господин, — Нань Син невольно вспомнил себя. — Никогда не требуете от других послушания или правоты, но стоит провести с Вами немного времени, как туман в голове рассеивается и становится ясно, что делать.

Господин был словно солнечный свет, разгоняющий мглу и освещающий путь. К нему тянулись, как к источнику тепла, стремясь стать лучше, чем они были. В этом горьком мире им несказанно повезло встретить его.

— Ваше лекарство, господин, — Нань Син протянул чашу.

Вэнь Жуань замер.

— Мне показалось, или ты только что благодарил судьбу за нашу встречу?

— Именно потому, что я благодарен, я хочу видеть Вас здоровым, — не моргнув глазом, ответил слуга. — Отвар уже остыл до нужной температуры.

— Но посмотри, дождь кончился, и мне уже гораздо лучше! — попытался сбежать Вэнь Жуань.
— Может, не стоит...

— Шестой принц сказал, что Вы должны пить это каждый день. Лет пять — и болезнь отступит.

Глаза Вэнь Жуаня округлились.

— Пять лет?! Да я же за это время сам в лекарство превращусь! Неужели он так мстит мне за ту историю в пещере?

Нань Син был неумолим:

— Принц вызвал Императорского лекаря, это Вам не обычный знахарь. Сказано — вылечит,

значит, вылечит. И пить Вы это будете, нравится Вам или нет. Или Вы хотите, чтобы Его Высочество сам пришёл Вас уговаривать? У него, знаете ли, нрав не из лёгких.

Вэнь Жуань втянул воздух сквозь зубы.

— Отлично. Ты превзошёл учителя. Применил против меня мои же приёмы!

— Я лишь следую Вашим мудрым наставлениям, — Нань Син позволил себе едва заметную улыбку. — Пейте, господин. Впереди ещё долгие годы жизни.

Вэнь Жуань тяжело вздохнул:

— Нань Син...

— Да?

— Солнце ещё не село. Не надо рассказывать мне такие страшные сказки.

— Виноват, господин. В следующий раз, когда Вы откажетесь от лекарства, я просто отправлюсь в Поместье Шестого принца и скажу Его Высочеству, что Вы сравнили его с нечистой силой.

Вэнь Жуань сдался и осушил чашу одним махом. Горечь была такой, что перехватило дыхание.

Из-за неожиданного поворота в деле и обилия новых улик Чэнь Юнъяня не выпустили немедленно — формальности требовали времени. Однако всем было ясно, что его свобода — вопрос нескольких дней.

Чэнь, не дожидаясь окриков стражников, сам направился в свою камеру. Но у входа он замер.

Чжу Янь стоял в свете факела. Отблески огня играли на его безупречном лице, придавая ему сходство с драгоценным нефритом. В этот миг принц казался воплощением благородства и изящества, заставляя забыть о его крутом нраве. Но стоило ему заговорить, как ледяной холод снова наполнил камеру.

— Господин Чэнь, кажется, удивлён?

— Признаться, я не ожидал увидеть здесь Ваше Высочество, — Чэнь Юнъянь сложил руки в вежливом приветствии.

В этой тюрьме он видел Второго и Третьего принцев. Они говорили разные слова, но цель у них

была одна. Шестой же принц никогда прежде не проявлял интереса к государственным делам или борьбе за власть.

— Кто сказал, что я пришёл тебя вербовать? — Чжу Янь окинул его придирчивым взглядом. — Ты стар и не слишком красив. Какая польза от твоей прямой спины, если в твоей ауре нет ничего интересного?

Чэнь Юнъань промолчал.

— Почему ты до сих пор не оправдывался? — продолжал Чжу Янь. — Твои дела всё ещё не закончены, или ты считаешь, что в этом нет смысла?

Чэнь хранил молчание, и трудно было понять: попал ли принц в цель или же ему просто нечего было сказать.

— Твоё серебро и твоё зерно у меня, — небрежно бросил Чжу Янь. — Думаю, ты знаешь счёт каждой монете.

Взгляд Чэня изменился.

— Если ты решишь и дальше играть в молчанку и не выйдешь на свет, чтобы распорядиться этим добром, я просто всё выброшу. Или промотаю на пустяки.

Чэнь Юнъань посмотрел на него с недоверием:

— Вы — принц крови, и используете такие методы, чтобы угрожать мне?

— Но ведь только такой человек, как ты — кристально честный и пекущийся о благе народа, — может поддаться на подобную угрозу, не так ли? — Губы Чжу Яня тронула холодная усмешка. — Впрочем, я даже надеюсь, что ты не поддашься. Ведь в мире, где правит зло, не должно быть хороших людей.

Чэнь Юнъань внимательно смотрел на Шестого принца, словно видел его впервые.

— Я знаю, где взять ещё больше зерна. И знаю, как заработать ещё больше золота. В столице недавно появился гений, о котором ты ещё не слышал. Если ты примешь мои правила, искренне склонишь предо мной колени и попросишь, я, быть может, познакомлю вас. Посмотрим, на что ты способен.

Чэнь Юнъань на миг задумался: оскорбляет его этот человек или даёт шанс? Но одно он знал точно — принц не лжёт. В такой игре не было смысла.

Чэнь Юнъянь опустился на колени, его лицо было официально и серьёзно:

— Прошу Ваше Высочество о знакомстве.

— О, господин Чэнь, ты умеешь удивлять, — Чжу Янь прищурился. — Смотри же, не разочаруй меня в будущем.

Чэнь Юнъянь не стал гадать, чем именно ему угрожает принц. Он знал, что останется верен себе. Он выйдет на свет свободным человеком, не принадлежащим ни к одной клике, и продолжит служить стране и народу. Если в мире действительно появился великий талант, он не мог позволить себе прозябать в неизвестности!

Покинув тюрьму, Чжу Янь не вернулся в своё поместье. Он велел ехать вусадьбу «непризнанного гения».

Лань Тянь покосился на тюремные стены:

— Ваше Высочество проявили великую мудрость. К таким людям нужен особый подход.

— Хм.

Ответом ему был лишь холодный смешок:

— Мне просто любопытно, как далеко зайдёт человеческая природа.

Лань Тянь вздохнул про себя. Если господин и дальше будет таким противоречивым, он рано или поздно наткнётся на препятствие.

И препятствие не заставило себя ждать. Чжу Янь гнал коня во весь опор, но чем ближе была гора Лайфэн, тем медленнее он ехал. У самого Поместья Вэнь Жуаня конь и вовсе перешёл на шаг.

Лань Тянь, проявив чудеса такта, предложил:

— Неизвестно, как себя чувствует молодой господин. Не желает ли Ваше Высочество навестить его?

Принц промолчал и продолжил путь, медленно проезжая мимо ворот Вэнь Жуаня.

«Гав!»

Чёрный пёс Хэй Гоу облаял его, защищая честь хозяина. Казалось, он говорил: «Не лезь не в своё дело!»

Лань Тянь хмыкнул. Даже эта собака знает правила лучше него. Раньше принц и не вспоминал об этом поместье, а теперь его тянуло сюда магнитом. Скрывает свои чувства, а сам мается...

Вернувшись к себе, Чжу Янь оглядел свои одежды.

— После тюремных подземелий от Вас несёт кровью и смертью. Не желаете ли сменить наряд?
— обратился к нему Лань Тянь.

Принц не просто переоделся, но и принял ванну.

Слуга всё понял без слов. Видя, что господин собрался на «прогулку», он благоразумно остался на месте, лишь подав знак Хэй Гоу. Пёс и без напоминаний последовал за хозяином.

Сумерки сгущались. Время для визитов было не самое подходящее. Человек и пёс медленно шли по горной тропе. Сначала вёл человек, но вскоре пёс вырвался вперёд. Каким-то образом они оказались у самой стены поместья Вэнь Жуаня, прямо под окнами его спальни.

Хэй Гоу огляделся, принюхался и тихо, почти по-воровски гавкнул, глядя на стену. Мол, ну чего ждёшь? Прыгай!

Чжу Янь помедлил. Видя, что он не решается, пёс вцепился зубами в его подол и нетерпеливо потянул. Он как будто уверял хозяина, что всё под контролем и никто ничего не узнает. Поддавшись этому натиску, Чжу Янь легко перемахнул через стену.

В доме было тихо. Вэнь Жуань, выпив горькое лекарство, снова уснул. Кроме его ровного дыхания, не было слышно ни звука. Принц присел у края кровати, вглядываясь в его лицо. Заметив капельки пота на лбу юноши и непослушную прядь волос, он осторожно убрал её за ухо.

Он сидел так долго, пока не услышал сонный шёпот. Вэнь Жуань звал кого-то во сне:

— ...Нань... Син...

Чжу Янь помрачнел и хотел убрать руку, но юноша внезапно перехватил её. Он прижал ладонь принца к своей щеке, словно ища тепла, и тихо пробормотал:

— Братик...

Чжу Яня словно обожгло жаром его кожи. Он резко отдернул руку. Вэнь Жуань беспокойно заворочался и скинул одеяло. До середины лета было ещё далеко, но ночи уже становились душными.

«Если ты так боишься жары, как же ты переживёшь лето?» — подумал Шестой принц и, не накрывая спящего, покинул комнату.

Утром Вэнь Жуань проснулся в прекрасном расположении духа. Болезнь отступила, оставив лишь лёгкую слабость. Но его внимание привлекло нечто необычное у кровати.

— Что это?

— Не знаю, — ответил Нань Син. — Шестой принц прислал этот наряд. Сказал, что это Звонящий шёлк — лучшая ткань для лета, прохладная и лёгкая. Откуда он узнал, что Вы плохо переносите жару? Вы говорили ему об этом?

Вэнь Жуань в замешательстве покачал головой. С чего бы ему обсуждать такие интимные подробности с принцем?

Он прикоснулся к ткани. Ощущение было удивительно знакомым... Не об этом ли он просил Хо Суйнина?

— Хей-хей! Я пришёл! Есть кто живой?! Где мой Жуань-Жуань? Нань Син, чай готов? Твой брат Хо наконец-то здесь! Открывайте скорее, я знаю, вы там!

Хо Суйнин, подобно урагану, ворвался во двор, а затем и в комнату. Дверь с грохотом ударилась о стену.

— Мой маленький Жуань-Жуань, сокровище моё, ты как?! Помнишь тот рецепт, что ты дал мне в прошлом году? Ту идею со Звонящим шёлком? Та-да-ам! Мы это сделали! Я обобрал всех столичных богатеев до нитки, прибыль просто нереальная! Ты готов считать деньги?!

Вэнь Жуань посмотрел на подарок принца, затем на сияющего Хо Второго и... промолчал.